

следует понимать ту форму «историзма», которая была присуща марксистской науке: этнография — историческая наука, история основывается на изучении исторических источников, следовательно, этнография должна основываться на изучении этнографических источников. Таким образом, именно метод «пережитков» делает явления культуры «этнографическими источниками».

О соотношении понятий «явление» и «текст» культуры

Единственной попыткой в рамках этнографии отойти от заблуждения, связанного с отождествлением понятия этнографических источников с этнографической реальностью, можно считать известную статью А. К. Байбурина «Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта)». Понятие «этнографического факта» он вводит посредством понятия «этнографический текст», ставя первое в отношение ко второму как «часть» к «целому» [Байбурин 1982 : 10]. В качестве спецификации обоих понятий используется понятие «этнографичности». «Мы вкладываем в данный термин, — пишет Байбурин, — некоторое содержание, но его невозможно обнаружить даже в специальных работах, посвященных истолкованию этнографических понятий» [Байбурин 1982 : 8]. Согласно его собственной весьма расплывчатой формулировке, этнографичность — определяющее свойство этнографического факта и этнографического текста, которое только и позволяет им быть таковыми [Байбурин 1982 : 8, 9]. «Этнографичность» — жаргонное словечко, значение которого в профессиональной этнографической среде сближается с понятием традиционной культуры как предмета исследования этнографии, а зачастую заменяет его. Можно спорить о словах: «народная», «традиционно-бытовая» культура, «этнический» слой культуры, но смысл остается примерно один и тот же [см.: Бромлей 1973 : 206—210]. Несмотря на явную готовность преодолевать инертность этнографического образа мышления, А. К. Байбурин приходит к положению, имплицитно принимаемому всеми этнографами: «этнографичность — это прежде всего соответствие представлениям исследователя о том, какие явления в наибольшей степени инфор-

мируют о традиционной культуре данного этноса» (курсив наш. — П. Б.) [Байбурин 1982 : 8, 9].

Другая форма спецификации понятий «этнографический факт» и «этнографический текст» связана с введением им понятия «текст культуры». Ссылаясь на то, что все большее число исследователей склоняется к мысли об определяющем характере «информационных аспектов» культуры, А. К. Байбурин утверждает, что по отношению к культуре как к семиотической системе применимы такие понятия, как «код» (язык) и «сообщение» (текст). «*Язык культуры*, — пишет он, — это та система правил, та парадигма смыслов, которая реализуется в виде объективированных *текстов культуры*. С этой точки зрения текстом культуры является как само поведение человека, так и результаты этого поведения (миф, ритуал, материальная культура, социальные институты и т. п.)» [Байбурин 1982 : 7].

Как следствие такого выражения этнографической реальности связь между этнографическим фактом и этнографическим текстом конкретизируется ее уподоблением связи слова (части речи) и предложения или текста (речи). Примером «текста» может служить обряд, включающий в себя в качестве компонентов словесные акты, жесты, движения, позы, части пространства, утварь, пищу, формы поведения и т. п. [Байбурин 1982 : 10]. Возникает вопрос: почему одному объектному языку (науки о языке) придается статус метаязыка по отношению к другому объектному языку (этнографии)? В качестве метаязыка и лингвистики, и этнографии, как и любой другой конкретной дисциплины, выступает язык методологии науки (субъект, объект, предмет, метод, явление, форма и т. п.). Тем не менее интересно проследить, к чему приводит утверждение о приоритете вербальных систем в этнографии, если его принять за истинное.

На практике это предложение сводится к требованию глобальной замены термина «явление культуры» термином «текст культуры», которое, впрочем, выполняется не очень строго. В результате термины «этнографический текст» и «этнографический факт» (т. е. *элементарный этнографический текст*) употребляются в одном и том же научном тексте в двух противоположных значениях *явлений культуры* и *описания явлений культуры*, т. е. *обозначаемого* и *обозначающего*. С одной стороны, говорится, что текст культуры (как элемент культу-

ры) потенциально может выступать в роли этнографического текста, с другой — этнографический текст характеризуется как способ описания элементов культуры: «...из текста культуры вычлняются значимые элементы и конструируется этнографический текст» [Байбурин 1982 : 10].

Понятию «этнографический текст» в значении *текста культуры* А. К. Байбурин придает еще одно дополнительное значение *этнографического источника* [Байбурин 1982 : 12]. Данное множество он задает ограниченным списком: исторические хроники, изобразительное искусство, орнамент, фольклор и т. п. [Байбурин 1982 : 12]. Это множество, характеризуемое с помощью понятия *метатекстов*, т. е. текстов культуры, описывающих другие тексты культуры, он противопоставляет текстам (фрагментам) культуры, с которыми этнограф сталкивается непосредственно при полевой работе (материальная культура, обряд). Кроме того, указанное противопоставление в его представлениях соотносится с разделением «фольклор—этнография». Последнее ему необходимо для указания на несостоятельность концепции вторичности фольклора по отношению к этнографической реальности, когда фольклор используется для реконструкции «отраженной» в нем этнографической реальности. Как он пишет, метатексты следует изучать с точки зрения описания традицией самой себя [Байбурин 1982 : 12]. С этим замечанием вполне можно согласиться, однако в данной связи важнее подчеркнуть, что в некоторой перспективе оно ведет к утверждению о некорректности самого отождествления понятий *явления культуры* и *этнографического источника*. Примечательно, что А. К. Байбурин не говорит о постановке проблемы этнографических источников по отношению к материальной культуре или обрядам, но только по отношению к фольклору. Разделяя этнографические источники на два класса, он фактически пересматривает само понятие этнографического источника.

В этом плане становится возможным вернуться к другому его высказыванию о том, что «этнографический текст» является результатом *конструирования*, материалом для которого служат *вычлняемые из реальности* элементы (курсив наш. — П. Б.) [Байбурин 1982 : 10]. По своему значению это «вырванное» из собственного контекста высказывание является довольно точным определением этнографического источника как *письменного источника*.

Оценивая рассматриваемую статью А. К. Байбурина в целом, следует отметить «переходы» от одних значений вводимых или интерпретируемых им терминов к другим. Такова цена создания «метаязыка описания». «Текстом» является и сам фрагмент культуры, и его фиксация, и его описание, и его интерпретация. В целом введение понятий «текст культуры» и «этнографический текст» (в указанном смысле) носит искусственный характер, имея своей целью доказательство на основе прецедентного права тезиса, согласно которому в этнографии отсутствует свой «особый язык описания». Здесь присутствует немалая доля лукавства: если этнографы в какой-либо — даже самой слабой — форме принимают термин «текст культуры», они тем самым признают истинность упомянутого тезиса, а именно: «понятийный фонд этнографии представляет собой крайне пестрый набор терминов и понятий» [Байбурин 1982 : 5]. «Речь может идти, — пишет далее А. К. Байбурин, — лишь о некоторой сумме понятий, лишенных того функционального и концептуального единства, которое обеспечивает статус языка описания» [Байбурин 1982 : 5]. В переводе на язык науковедения это означает, что этнография не построила своего объектного мира, т. е. вообще не существует как *теоретическая наука*.

В качестве обоснования этого фактически высказанного положения приводится утверждение о том, что в каждой конкретной сфере исследования («социальная организация», «мифология», «материальная культура», «религия» и т. п.) свои термины и понятия, имеющие мало общего с другими. Это якобы приводит к несопоставимости результатов исследований в различных сферах, наглядно проявляющейся при попытках описания культуры того или иного народа [Байбурин 1982 : 5]. Отсюда делается вывод, что этнография не существует даже как *эмпирическая наука*, подкрепляемый утверждением о «неоднородности явлений, составляющих предметную область этнографии» [Байбурин 1982 : 5]. Позднее это утверждение было преобразовано в тезис о неоднородности предметной области этнографии [Байбурин 2003 : 14].

Таким образом, происходит подмена понятия: наличие систем стало восприниматься и трактоваться как отсутствие системы в целом. Первоначально это представление о неоднородности предмета этнографии рассматривалось, скорее, не как причина, а как следствие ориентации этнографического опи-

сания на фиксации отдельных явлений вместо связей между ними и отсутствия единой концептуальной схемы описания этнографической реальности [Байбурин 1982 : 6]. В негативной оценке А. К. Байбурина существующих в этнографии методов описания заложено в сущности рациональное требование функционального метода, который под именем системного подхода к описанию культуры (этноса) был основой советской этнографии.

«Вещественные источники»: противоречие в определении

На фоне предыдущего изложения, кажется, теряет смысл определение специфики этнографии или археологии по контрасту с историей, основанной на изучении «письменных источников» [Клейн 1978 : 45]. Для этого необходимо было вернуть понятию текста его исконное значение письменно фиксированного акта речи. Тогда все становится на свои места. Явления традиционной культуры представляют *предмет исследования этнографии*, а их первоначальная фиксация или описание (систематизация зафиксированных полевых наблюдений), несомненно реализуясь в виде текстов, являются *этнографическими источниками*. Понятие «этнографического текста» по отношению к непосредственно наблюдаемым явлениям культуры просто неверно, а по отношению к этнографическим источникам тривиально. Понятие «этнографического факта» сливается с понятием этнографического источника в том плане, что отражает момент создания источника. Фактом является не фрагмент культуры сам по себе, но то, что зафиксировано письменно, то, что заключено в этнографическом источнике. Фиксация предмета органами чувств не может быть фактом именно потому, что не связана с отбором свойств. Разумеется, этнографическое явление, будь то предмет быта, обряд или *исполнение* мифа, можно восстановить по памяти, которая в зависимости от индивидуальных свойств исследователя или информанта фиксирует только часть свойств отражаемого явления, но опять-таки фактом этот фрагмент памяти становится только в записи, в остановленном виде, делающем *данную* (т. е. отделенную, выделенную) информацию независимой от субъекта сообщения. Таким образом, выделение фрагмента реальности